

АНДРЕЙ МУХРАЕВ

О, ЭТИ ДРЕВНИЕ ДЕЛА...

Избранные стихи

Улан-Удэ
2016

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)6-5кр
М952

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии».

М952 Андрей Мухраев
О, эти древние дела...: избранные стихи / – Улан-Удэ :
НоваПринт, 2016. – 96 стр.

ISBN 978-5-91121-158-5

БУРЯТИЯ

О, эти древние дела...
Бурятия, ты видела их много!
Давным-давно твоя Алан-Гоа¹
От света лунного ребенка родила
И стала прародительницей рода,
В котором появился Чингисхан.

Над старыми могилами бурьян...

О, сердце, не пронзенное копьем
О, жизнь, не убитая стрелой,
Нет слов в груди, а в сердце нет покоя -
Зачем мы родились? Зачем живем?

Страна преданий и улигершинов²,
Прекрасная и древняя страна...
Снега покрыли горные вершины,
Как будто мудрых старцев - седина...
Смешались песни древних улигеров
Со сказками сойот и староверов,
И в сказках оживает старина...

---

1 Прародительница рода, в котором появился Чингисхан. По легенде, она зачала ребенка от лунного света.

2 Древний сказитель улигеров (сказаний, преданий).

Здесь – на земле – Гэсэр³ живучий
Сын Неба, Солнца и богов,
Вел в бой богатырей могучих
И побеждал своих врагов –

И истребил он силы зла!

Здесь, через много зим и весен,
Телега старая везла
Того, кто был суров и грозен
Для Патриарха и царя.
Сам преподобный Аввакум,
Не покорившийся Собору,
Был сослан к нам, подобно вору,
Но не оставил дерзких дум.
Спесивый старец иль святой?
Зачем зовешь ты за собой?
Он шел уверенный и твердый,
И тысячи еретиков
С ним шли, сменяя дни и версты,
И не желали крест двуперстный
На крест трехперстный заменить.
И стали солью сей земли...
Ее прославили они
Своим трудом, талантом, мукой,
И завещали своим внукам
Ее, как родину, любить...

---

3 Герой народного эпоса

Здесь разъяренный Чингисхан,
Когда-то разгромил меркитов
За похищение Бортээ...
В окрестностях Улан-Удэ
Стояло городище гуннов...
У Селенги копили силы
Предки свирепого Аттилы,
Что будет грабить древний Рим...
В степи подальше есть дацан,
Где жив Хамбо-лама нетленный,
В нем жизнь искоркой мгновенной
Застыла, время позабыв....
А там, где раньше был обрыв,
У устья Селенги с Удою
Стоит на камне низкий крест,
Отсюда, далеко окрест
Раскинулась моя столица,
Мой город, мой Улан-Удэ...

В глухой тайге, ночной и страшной,
Внук деда, юноша вчерашний,
Семьи надежда – Хубитэ⁴
Убил когда-то бохолдоя⁵.
Он не покинул поле боя,
Он победил свой древний страх,
В нем волей Неба вырос воин,
Он вечной славы стал достоин,

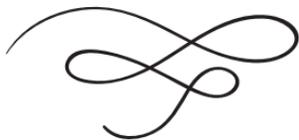
4 Герой рассказа «Сказка старого Хубитэ».

5 Мифическое, злое существо (бур.).

А мог бы просидеть в кустах!

Здесь по степи бродил бродяга,
И золото в горах он рыл,
И в омулевой бочке плыл
В волнах священного Байкала!

И все здесь – тайна, все здесь – знаки,
В небе плывут, как аргмаки⁶,
Богов дыханье – облака...
И пролетят еще века
Но ты – я верю – будешь краше,
Степной, озерной, горной, нашей
И молодой, земля моя, -
Бог знает, как люблю тебя!

---

6 Облака (бур.).

* * *

Я исчез незаметно, как колос хлеба,
Как вода, текущая из-под снега,
Как звезда, что погасла в ночи,
Как ветер и пламя свечи.

И Черный Дух - мой проводник,
Передо мной, как виденье, возник,
Рассказал о страстях человеческих
И поведал об истинах вечных.

Он показал мне в мгновение времени
Шум листвы и пробуждение семени,
И вечность жизни нетленной,
И бесконечность Вселенной.

Он поведал тайну гробниц фараоновых,
Показал мне сокровища улиц неоновых,
Он сказал: «Не останешься ты безголосым,
Я решу все проблемы твои и вопросы...».

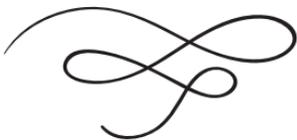
Он велел мне делиться с людьми словами,
Чтобы мертвые камни стали хлебами,
Чтобы этим хлебом людей накормить –
Только сытый умеет прощать и любить.

Чтобы сытые люди пошли вслед за мной,
Как стадо, идущее на водопой,
Ведь не хочется людям ни Бога, ни Неба,
А хочется зрелищ и хлеба.

Предложил мне, лукавый, встать на карниз,
И довериться Богу, и броситься вниз,
«Ведь не страшен, как Сыну, тебе Божий Суд,
Ведь ангелы тебя вознесут!».

Мое сердце было, как жало, раздвоено,
В нем есть место для страха и место для воина,
Я исчез незаметно, как тот древний воин,
Что слов на прощание не удостоен.

Я пред этой землею не виноват,
Я сам стал на привкус солоноват,
И опять все, как раньше – дни идут вслед за днями,
А камни так и остались камнями...

КОМБАТ

Завела меня моя дорога,
В одну деревеньку заброшенную,
Возле дома трава нескошенная,
И черемуха до порога.

Хозяин, крепкий, высокий старик,
Похожий на древнюю скалу,
Плохо слышал и сразу перешел на крик,
Когда приглашал к столу:

- Эй, парень, что ты встал, как не родной?
Намаялся, поди, по бездорожью?
Проходи, садись, и выпьем давай с тобой -
Сегодня мне можно.

А ты, старуха, плесни-ка ему бульона,
И мясца, мясца ему положи,
Я ему расскажу, как был командиром батальона,
Как я Родине послужил...

И я не отказался от угощенья,
И от полного стакана,
Только попросил у хозяев прощенья,
За то, что пришел незвано.

Мы досидели почти до полуночи,
В светлой просторной избе,
И старик, как распалившийся юноша,
Рассказывал о своей судьбе...

- Я был рядовым триста седьмого, гвардейского
Краснознаменного полка,
Там служили и буряты, и русские из семейских,
И часто ели мы из одного котелка.

Но, в сорок третьем году,
Я был легко ранен и отстал от своей части,
И я - через пятьдесят лет не пойму -
На горе свое или счастье.

Но, я был молодым, и закрутил роман,
С одной санитаркой из медсанбата,
И она излечила меня от ран,
И ответила на любовь солдата.

Но, однажды, один сержант ее оскорбил
Глупой, сердитой шуткой,
Так я этого сержанта чуть не убил,
Медной, солдатской уткой.

Ведь я молод был – хотело тело,
Я, как тот пострел - везде успел,
Хорошо, что этому пострелу
Выдали штрафбат, а не расстрел.

Я ведь с детства был такой бедовый,
И шалил, и дрался во всю прыть,
И порою лишь ремень отцовый,
Мог меня на время усмирить.

А отец мой был сердит и мрачен,
Ему в спину тыкали: «Кулак!»,
В тридцать третьем году отца раскулачил
Бывший его батрак.

Да и не могла терпеть новая власть,
Людей мало в нее влюбленных,
Она и позволила ему пропасть
В местах не столь отдаленных.

И я их любил не больше, чем лепешку коровью,
И даже презирал их, когда,
Они мне сказали: Смой позор кровью,
В свои молодые года.

И трибунал отправил меня за Северный вал,
В таежные каменоломни,
Но, в какой конкретно местности воевал,
Я не запомнил.

А в 44-м, в болотах под Ленинградом,
Когда канонада била в лицо,
Был приказ - наступать на фашистского гада,
И разорвать кольцо.

Когда в воздухе запахло гарью,
На утреннем построении,
«Эх, не жди меня к ужину тетка Дарья!»,
Прокричал кто-то в обратном для нас направлении.

Нас всех построили по росту,
Нас было восемьдесят девять солдат,
А тот, который был девяностым,
Был комбат.

Он рассказал нам нашу задачу,
Ломая сухую ветку,
Мы должны были наудачу
Идти в разведку.

И мой напарник, русский, но из Риги,
Вдруг сказал мне, глядя наперед:
«Никогда мне больше не увидеть,
Как в саду черемуха цветет».

Я ему ответил:
«Рано, брат, горевать,
Ты еще врага не приметил,
А уже решил умирать».

Мы пошли неровным строем,
И командир растянул нас в цепь,
Это называлось разведка боем,
А перед нами лишь голая степь.

Лишь вражьи окопы впереди чернели,
Да блиндажи высились, как холмы,
И мы бежали, подобрав полы шинелей,
Как бездушные тени бежали мы.

Мы бежали по мягкой земле, как стадо,
Лишь ругаясь и матерясь,
И кто-то из нас то и дело падал,
В весенние лужи и грязь.

А потом, задыхаясь, и шатаясь от усталости,
Переходили на шаг,
И немцы не стреляли, словно из жалости,
Обстоятельный был у нас враг.

Но мы бежали уже надеясь,
Добраться до вражеских рубежей,
И фашист открыл по нам огонь, аккуратно целясь,
Из всех минометов и блиндажей.

И взрывы вспучили эту грешную землю,
И пули рвали грешные наши сердца,
И души подхваченные этой кровавой метелью
Сразу летели на небеса.

И в полчаса не осталось ни одного живого,
В живых остался лишь я - молодой солдат!
Так, по уставу от сорок второго,
Я был комбат.

... Я очнулся в холодной луже,
Когда над степью плавал могильный смрад,
И хотя я был тяжело контужен,
Я был комбат!

Эй, старуха, плесни-ка еще бульона,
И не ворчи, ведь сегодня мой день,
Молчать! Когда говорит командир батальона,
А не какая-нибудь хренотень!

Хоть меня и не представили к награде,
Пусть я знамени не целовал,
Но я - комбат, хоть ни на одном параде,
Никто мне чести не отдавал.

И я прошел дорогой ваших отцов,
И выжил там, где сгнули миллионы,
Ведь я жил за восемьдесят девять бойцов
Моего погибшего батальона!

Я не знаю – как бы сложилась судьба
Не отстань я тогда от части,
И теперь через многие свои года,
Я скажу тебе – я был счастлив!

Я выжил в той атаке, то есть разведке боем,
Хоть и был контужен,
И Богу, перед которым они предстали единым строем,
Я тогда еще не был нужен.

Я прошел всю войну и выжил,
И вернулся домой без единой ссадины,
И победной весной я черемуху посадил
В своем палисаднике.

И с тех пор я каждой весне
Кланяюсь, как самой новой и самой последней,
И, видишь, как ветка черемухи заглядывает ко мне
Через переднюю.

У меня выросли дети и внуки,
И правнуки на подходе,
И пусть болят у меня и ноги, и руки,
Я живой еще, вроде.

Я не знаю, где бы все они были,
Имею в виду, своих внуков и правнуков,
Если бы меня тогда убили
Или лишили главного.

Вот за то, что жил и много видел,
И за то, что говорю с тобой,
Давай выпьем, парень,
Давай выпьем,
По хорошей дозе, фронтовой.

Что же, друг!
А ведь и ко мне приходит время ядрена,
Когда и мне пробьет последний набат!
И я пойду вслед за своим батальоном,
Ведь я - комбат!

И там, где уже не ждут почтальона,
Там, где остались погибшие за Русь,
Я с каждым солдатом из своего батальона,
Как с братом родным, обнимусь!

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА

Солнце еще не взошло. Зябко
И сыро еще, и темно.
Авраам голову себе повязал какой-то тряпкой -
Днем будет жарко, а ехать им далеко.

Еще не рассеялся туман в низинах,
Авраам проверил, на месте ли нож,
Велел нагрузить на осла дров в корзинах -
На горе Мовоам пустынно и дров там не соберешь.

И жена подала им лепешек в дорогу,
И на прощанье сына своего обняла,
Знала бы Сара, что сын ее предназначен Богу,
Сын, о котором она так молила и так ждала.

И Авраам лишь махнул ей рукой,
И не стал подходить, чтобы попрощаться.
Он не знал, как справиться ему с самим собой,
И не знал Авраам, как будет он возвращаться.

Ведь лишь вчера сказал Бог Аврааму:
«Сына своего в жертву Мне принеси»,
И пойдет Исаак, как агнец к Божьему Храму,
А Авраам милости для сына не попросил.

Вспомнил он день, когда поверил Сущему,
И оставил далекие, родные края,
Подтянул сбрую руками слегка трясущимися,
И устыдился неверия и самого себя.

И посмотрел он на сына своего, Исаака,
И вспомнил, как ждали его и молились о нем,
Как не спали, когда он болел и плакал,
Как ухаживали за ним, и ночью, и днем.

И тронул Авраам своего осла,
И отправился в этот неблизкий путь,
Туда, где вера его целый мир спасла,
Туда, откуда его не вернуть.

Был полдень, когда прибыли они на место,
Солнце стояло над их головой,
Аврааму казалось, что на горе слишком тесно,
И руки свои он омыл водой.

- А где же агнец? - спросил его сын,
и удивленно осмотрелся по сторонам,
и больше он ничего не спросил,
ведь забывчивость свойственна старикам.

Но Авраам велел ему лечь на доски,
И веревкой руки и ноги ему связал,
Все это делал он легко и просто,
Будто не сына своего убивал.

И Исаак, как агнец, был ему послушен,
Он был уверен в своем отце,
Взгляд его был ясен и простодушен,
И не было страха на его лице.

- Что ты, отец? - спросил он шепотом, -
Почему ты плачешь? Что с тобой?
Но эти слова отозвались в душе страшным грохотом,
И отец вытащил нож дрожащей рукой.

- Пстой, Авраам, - молвил Суций,-
увидел я веру твою, и твой Божий страх,
и увидел Авраам, как среди кущи,
блеял ягненок, запутавшийся в кустах.

И увидел Авраам солнце над миром палящее,
И увидел, как поблизости от этих мест,
Смешалось прошлое и настоящее,
И над этим миром засиял крест.

И понял Авраам, что Бог отдал своего Сына,
На заклание, вместо него, и огонь потух,
Что Он исполнил то, что его душа просила,
Но то, что он так и не посмел произнести вслух...

Эта история, как вживую, передо мной прошла,
когда я ее читал, пели во мне птицы небесные,
О том, как вера Авраама вела,
О том, как пройти Вратами тесными.

* * *

Все сильнее и сильнее с годами
родину я люблю.
Словно в дальний путь собираюсь,
а мать оставляю одну.

* * *

Растревожила сердце любовь безответная,
Думал я – умерла, но жила незаметная,
И вернулась ко мне, молодая, нездешняя,
И омыла меня, словно водами вешними.

И к чему та любовь? Никогда не узнаю...
Словно детский свой сон, давний сон вспоминаю...
Словно светит опять над полями и пашнями
Молодая звезда миллион лет погасшая.

* * *

У моей могилы растет дерево.
Ветвями оно устремилось к небу,
а корнями проросло ко мне,
и по его стволу ко мне стекает
тепло ласкового солнца,
синь необъятного неба,
щебет птиц.
И душа моя разговаривает с миром
шорохом листвы в вышине...

* * *

1

В бабушке внучка узнала себя:
Ткнула пальчиком в старое фото:
«Вот она - я!».
Словно знакомый фильм
назад перемотан.

2

Сегодня бабушка поговорила
с трехмесячным внуком,
который что-то лепетал в трубку,
словно передавал привет
от умершего мужа.

3

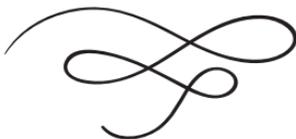
Разлился багровый закат...
Я пью его, как пьет охотник
свежую кровь изюбра.

4

На берегу присели с любимой.
Сверкнула зарница, как фотовспышка.
Фотограф! Когда получить фотографии?

5

Заворчалось, заворчало
что-то во мне,
наружу просится,
я, как женщина перед родами,
невнимательным стал -
ждут опять меня муки рожденья...
Но боюсь, что опять
мне по белому свету
с убогим ребенком ходить.

* * *

*Незабвенному Альфреду
Зигамусту посвящаю*

Когда я был молодым
и губы мои были в молоке,
а руки – в меду,
Я хотел кричать в каждой строке:
«Встаньте, ведь я иду!».

Но, никто не вставал,
всем было плевать на стихи и погосты,
и каждый думал: «Что бы еще продать?»
от начала и до конца девяностых.

А мне все снится и снится сон,
и голос, который протяжен и гулок,
и две метлы, метущие в унисон,
Столешников переулок.

Ведь мы сыпали соль на раны земли
спасая страну от гололедицы,
ведь мы царапали ее и скребли
и верили, во что теперь не верится.

Ведь мы хотели всем рассказать,
что-то очень важное и очень нужное,
мы хотели себе и другим доказать
аксиому своей окружности.

Но с нами,
как с разорившимися наследниками,
никто разговаривать не хотел.
Мы были первыми и последними
поэтами, оставшимися не у дел.

Ведь каждый из нас был поэтом
или, хотя бы, художником.
Нам хорошо жилось особенно летом,
Под смывающим грязь дождиком.

И мы были рады
смотреть и слушать, чуть дыша,
Глупого профессора из Канады,
ведь Канада котировалась, как США.

И мечта моя была, как печаль, светла –
я хотел бы с английской леди
самые интимные иметь дела
на шкуре забайкальского медведя.

Там, где музыка срывает одежду с бытья,
как влюбленный срывает платье с возлюбленной,
и звуки, словно из бронзового литья,
стекают по стенам города Люблина.

Но я слышал лишь, как отстукивал «до-ре-ми»,
светлый мальчик с большой головой,
я ходил грязными коридорами
и леди обошла меня стороной.

И я пил с поводом и без повода,
стремился наверх, но смотрел вниз,
я думал, что там проходила молодость,
а там пролетала жизнь.

А некоторые доходили до святотатства
и ругали мои стихи,
как били ребенка,
которого я так любил,
и тогда я,
вышедший из монголо-татарства,
снова туда входил.

Но, когда мне будет грозить
самый страшный, последний Суд,
Я хотел бы сказать в свой последний визит:
«Встаньте! Меня несут!»

* * *

Мы дождь переждали под одним навесом...
Ты пошла дальше полем, а я лесом,
Ты жизнь прожила в полях, а я - в лесах,
Мы, может, с тобою встретимся – на небесах.

* * *

Хотела сказать, но сдержала
Страшное слово свое...
Холодная, липкая жалость
Тронула сердце ее.

Хотела уйти, но вернулась,
Подумала... и ушла,
Я думал, что дочь проснулась,
А это метель мела.

И все вокруг закрутило,
Ни тени нет, ни следа...
А, может, того, что было
И не было никогда?

* * *

Прощанье. Летние сады.
Усталых роз усталый трепет.
Взамен угасшей красоты
Другая красота их встретит.

Листва скучающих дорог
Искрится желтизной шершавой,
Последний луч - последний бог -
Последней тешит их забавой.

Вечерний лист припал к ногам,
И воздух чист, и небо звёздно,
Сирень мороза по утрам
Цветет капризно, тихо, грозно.

А эти гордые леса
В узор случайный вплетены,
Там их встречают небеса
И провожают до весны.

1986

У КАРТИНЫ АБСТРАКЦИОНИСТА

Хрустальный луч, как крик из ниоткуда,
Потусторонней силы тишина...
Необъяснимое - влекущее, как чудо,
Как в небе полуночная звезда.

Пространство, мы понять тебя не смели -
Несовместимы Вечность и Итог.
Как хорошо не думать о пределе,
Как страшно бесконечности дорог.

Фрегаты Жизни у Земли причала,
Пред ними Вечный Мир во всю длину...
Но, интересно, чья же жизнь промчалась,
Той незаметной черточкой, в углу.

1987

* * *

Где растут сиреневые пальмы,
Где-то небо веет бирюзой.
Почему же ты такой печальный
И такой тревожный, край родной?

Что за бог сейчас тебе явился,
Что за люди для тебя живут?
Ведь креститься ты не научился,
Ведь забыл сиянье светлых будд.

Это нити кровной связи рвутся,
Сквозь года опять печально ждешь
Сыновей, которым не вернуться,
Сыновей, которых не вернешь.

И раздался, просто ли, в укор ли
Тихий вздох безжизненных степей -
Может это умирают корни
Одинокой родины моей...

Тают племена в пыли дорожной,
Словно птицы всадники быстры,
Дымкой сизой, дымкою тревожной
Затухают древние костры.

1988

ИЗ ПЕТРАРКИ

Она ушла.... И сходятся моря,
И вновь киты бросаются на сушу,
И пьяный друг опять мне лезет в душу,
И звезды ни о чем не говорят.

Она ушла.... И птицы не поют,
(Да и кому теперь нужны их песни),
И на Олимпе боги слезы льют,
Но боги никому неинтересны.

Она ушла... И высох океан...
Снегами покрываются вершины,
И снова наполняется стакан,
И снова проявляются седины.

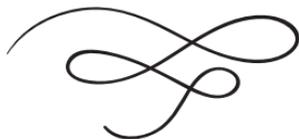
Но снова начинается Весна,
Как только возвращается Она!

* * *

Не жизнь и смерть, а просто надо,
Чтоб ты простила и пришла...
Как эта красная помада
Сладит знакомые уста.

Не уходи. Побудь немного.
Ты видишь - за окном метель...
И снова на душе тревога,
И не заправлена постель.

1988

* * *

Судьба и жизнь - может, это тайна
Воспоминаний наших, ведь из книг
Таинственно, божественно, случайно
Рождается давно умерший миг.

Вот так и мы - страницу за страницей -
Читаем Книгу Судеб, а потом
Взмываем в небо звездной колесницей,
Чтоб возвратиться в Настоящий Дом.

Вера в бессмертье - это признак силы,
Еще сильней рассудок у наук,
И знаем мы, что темные могилы
Всосав в себя, свое не отдают.

Но смерти нет! Сейчас я ей не внемлю,
Хочу чтоб каждый, словно Бог, воскрес...
Когда сердца закапывают в землю,
То прорастают души до небес.

Пусть будет так - я буду жить обманом,
Не веря ни в законы, ни в судьбу -
Доверю жизнь виденьям и туманам
И светлым нарисую темноту.

* * *

Ты не из этих мест - ты небом дышишь,
И боги охраняют жизнь твою,
Но будет грустно, только вспомни, слышишь,
Хотя бы то, что я тебя люблю.

Если печаль вкрадется в жизнь твою,
Или обида сердце вдруг порежет,
Пусть в этот миг тебя тогда поддержит,
Хотя бы то, что я тебя люблю,

Но, что же я? О чем я говорю?
Зачем тебе далекий вздох напрасный,
Зачем тебе подарок мой несчастный,
Зачем тебе, что я тебя люблю?

И я уйду так просто, так безбожно,
В далеком сне, в неведомом краю,
Когда-нибудь, ты вспомни, если можно,
Хотя бы то, что я тебя люблю.

* * *

Моя судьба - не гром, не эпопея,
Живу я так, что можно и не жить.
Я просто ненавидеть не умею,
И, может быть, поэтому - любить.

Во мне еще возможна высота,
Когда дышу и чувствую с тобою,
Ведь если есть на свете красота,
То только ты той будешь красотою.

1988

* * *

У мёртвых спроси, у мёртвых,
Они мудрее живых.
Ты видишь в походке твёрдых,
Будто ведут слепых.

Забудь про свою усталость,
Хотя бы на время, для
Того, чтобы жить осталось
Радуюсь и любя.

Спроси, как прожить на свете,
Чтоб в сердце цвела весна,
Молись! И тебе ответит
Святая их тишина.

СУПРУГЕ ВИКТОРИИ

Моя любовь была ненастоящая – нарисованная,
Мне иметь настоящую – рискованно,
Мне любить по-настоящему – опасно,
Моя женщина была лишь в мечтах прекрасна.

А тебя я полюбил живую и близкую,
С мечтами высокими и заботами низкими,
Но каждое объятие твое, как причастие,
Где каждое прикосновение – ощущение.

Я тебя чувствую кожей своей и нервами,
Ты для меня каждый раз – первая,
Быть может это не так, но твои объятия,
Спасли меня от беды, спасли от проклятия.

Моя душа теперь со смертью раскована,
Она простилась со страхами подростковыми,
На месте страха теперь любовь к Богу, любовь к тебе,
Спасибо за то, что ты есть в моей судьбе!

* * *

Ты пришла в семь,
хотя обещала в шесть.
И я понял, что ты
стала для меня всем,
что у меня есть.

Ты пришла в восемь,
хотя обещала в пять.
Я хотел сказать,
как бы между прочим,..
но не сумел опять.

Ты обещала придти к ночи...
Я был готов, но ты не пришла совсем.
И я обижен - короче,
я жду тебя в семь.

* * *

Я по миру бродил, а теперь возвратился к тебе,
Пена прошлых веков по холодной стекает плите,
Только белые звезды с тихим шорохом тают вокруг,
Я вернулся к тебе навсегда, нас покинувший друг.

Выйдя к сумрачной дамбе, спущусь я чуть слышно к реке,
И огни светлых улиц будут долго мерцать вдалеке.
Мы расстелим газету, достанем бутылку вина,
Будем слушать и слышать, как с нами хмелеет весна.

Воды времени тихо, как в зеркале дымном замрут,
В келье темной по нам поминальные свечи зажгут.
Мы пойдем по дороге наверх, в белозвездную высь,
Не пойдет вслед за нами, вернется забытая жизнь.

Будет утренний путник холодным туманом дышать,
Будет ветер с реки позабытой газетой шуршать,
Замерцает, блеснет мокрой кожей на небе заря,
Нет, не лето уже - скоро будет конец сентября.

Да, я тоже, как ты, жить на свете беспечно хотел,
Но придут за мной собиратели брошенных тел,
Не посмотрят наверх, не простятся, не вспомнят, и пусть -
Эту горькую правду я знаю давно наизусть.

* * *

Боже! Услышь молитву мою
Из краев заснеженных,
Пусть будет в этом краю
Меньше отверженных.

Прости, Господи, мой народ,
Прости нас, Господи,
Прости меня, что я – не тот,
Прости моих родственников.

Прости, Господи, кто славу поет Тебе
Протяжной песнею,
Дай пройти живущим вдалеке
Вратами Тесными...

Пусть я отвержен и ничтожен,
Словно далекий пилигрим,
Позволь сказать мне: «Боже, Боже,
Я буду избранным Твоим!».

* * *

Возьми чуть-чуть сиреневого или
добавь туда желтеющего для
тех бабочек, которые любили,
но дожили до следующего дня.

Вот получилась свежесть, да и до,
бывали разные, и ахи, и восторги.
У бабочки прозрачное крыло
и радость продолжающихся оргий.

От сердца нужен ключик золотой,
а без него открыть те двери - мне ли.
Но в небе не нашедший цитадели,
вновь возвратится в тесный кокон свой.

* * *

Я с тебя сбросил розовый цветок
И выдохнул пыльцу с медовым вкусом.
Густым, пчелиным, золотым укусом
Дымится знойный, трепетный желток.

Чешуйкой мелкой медного тунца,
Кончается расплавленное лето.
Ах, что за прелесть, что за чудо эта
Улыбка, не сходящая с лица.

Остыл на сердце огненный прибор,
Опухли губы с запахом черешен.
О, если бы ты знала, как я грешен,
Увидев небо прямо над тобой.

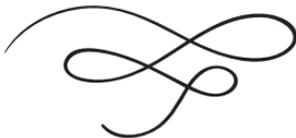

* * *

Ты вечером пришла домой одна, усталая,
А на дорогах снег с водою талою,
И в одиноком доме нет воды,
Как нет ни радости, ни счастья, ни беды.

А где-то жизнь идет большая, нежная,
Но не пройти туда дорогой снежною,
Да и куда идти? – кругом вода,
Была красивой, а теперь... - не молода.

И будет сниться тот же сон – она красивая
Вся в белом, рядом – он, пора счастливая,
И даль темна, и долго-долго длится ночь,
Хотя бы был бы сын, а лучше дочь...

* * *

На кладбище под Стеклозаводом

Только знаешь, ведь это мое
Законное место,
Раньше здесь был простор,
А теперь тесно.

Наверное, среди небес
Намного чище,
Раньше здесь был лес,
А теперь кладбище.

И меня где-то здесь погребут
Между соснами,
И годы, как миг, пройдут
И лета с веснами.

И будут ко мне приходить
Разные люди,
Но там, где они будут пить
меня не будет.

И, наверно, совсем не больно
Завершить эту круговерть,
Замыкается треугольник:
День рождения – жизнь – смерть.

* * *

Оборванные листья - звезды фраз -
Все с дерева, растущего над нами.
Мы выразить пытаемся словами
Значенье мира, скрытое от глаз.

Колонны не воздвигнутых основ,
Сквозь паутину времени неясны,
Но только те несказанно прекрасны,
Которым нет признания и слов.

ВИДЕНИЕ

Страшно мне... Рядом ходит кто-то,
Боже мой, как вокруг темно.
То ли ветер скрипит в воротах,
То ли путник стучит в окно.

Уж не грех ли мне уготован,
Тени темные на свече,
Мне чудится - черный ворон
На черном сидит плече.

Вожак кровожадной стаи
Стоит, в руке держит плеть,
И лишь темнота мешает
Поближе его разглядеть.

О, Господи! Как холоден
И страшен усталый взгляд,
Из тысячи преисподен
Идти ему к нам велят.

Но он побежал по-волчьи,
Куда-то в притихший лес.
Все так же бесшумно, молча,
И вскоре совсем исчез...

Сгинул мрак, посветлели ели,
Ясный месяц свой занял трон...
Ружье я поставил в сени,
А в нем есть один патрон.

1994

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Любовь не больше лепестка,
Не больше трещины в гробнице,
Слезы слетающей с ресницы
В пучину рыжего песка.

Любовь не больше, чем любовь.
Не больше, чем остаток плоти,
Случайной раны на охоте
И ткани, где осталась кровь.

Любовь лишь всплеск огня во мгле,
Не тяжелее дымки в небе,
Не слаще той печальной неги,
Что ты остался на земле.

* * *

Весь мир шуршит деньгами⁷, друг,
Увы, мы входим в этот круг.

Увы, мы можем здесь остаться,
К чему роптать и сомневаться.

Хотелось быть светлей и чище,
Но мы боимся жизни нищей.

Нам надо есть, нам надо пить,
Иметь свой угол - в нем любить.

Но мы не ропщем и не плачем,
Ведь мы-то знаем - что-то значим,

Мы жизнь поставили на кон,
Но у нее другой закон.

Нам бы проделать этот путь,
А там свернем куда-нибудь.

Придут другие, в другой раз
Они все сделают за нас.

А мы рискуем тут остаться,
К чему роптать и сомневаться.

1995

---

7 Цитата из записных книжек А.Вампилова.

* * *

То ли дождь идет, то ли снег,
То ли день идет, то ли век,
То ли вкривь идет, то ли вкось,
То ли вместе мы, то ли врозь,
Мутный полог мне - на глаза,
То ль снежинка то, то ль слеза.

То ли явь вокруг, то ли сон,
То ли смех во мне, то ли стон,
Фотография сожжена -
То ль невеста ты, то ль жена.

Что за тяжесть вдруг? Не уйти,
Предо мной теперь все пути,
Что за выдумка - человек,
Что за песенка - целый век.
Ничего вокруг не понять,
Ничего в себе не унять,
Ни тоску свою, и не боль,
Незавидная эта роль.

Так замучила темнота,
Так, что кровь течет изо рта,
Но так мучиться - беспредел,
Только вышло так, как хотел.
Если хочется - развяжись,

Если думаешь, что не жизнь,
Видишь, хмурится носорог,
То ли рог на нем, то ли бог,
То ли хмурится, то ли рад,
То ли в рай зовет, то ли в ад,
То ли в сердце бьет, то ли в бровь,
То ль слеза течет, то ли кровь.
Песня слышится наяву,
То ли умер я, то ль живу.

Будет радостней и светлей,
Будет чище и веселей,
Только жаль то, что целый век
Будет дождь идти или снег.

1992

СОНЕТ

На небо смотрим мы со страхом,
Мы ждем знамений и чудес,
И веря непонятым знакам
Идем судьбе наперерез.

Мы, как глупцы, всего боимся,
Боимся выйти мы за дверь,
Мы знаем - тихо притаился
Там непонятный, страшный зверь.

И где начало этой тайны,
И где узнаем мы конец?
«Ваши волненья не случайны, -
сказал однажды нам мудрец, -

Начало - в шуме громовом,
Конец - в молчанье гробовом».

* * *

Слеза стекла на каплю крови
И закипела на огне.
Ты удивленно хмуришь брови,
Ведь ты совсем не веришь мне.

Изрезав скатерть ножницами,
Ты сердишься, тебя знобит,
Но неземными голосами
Эфир вокруг тебя увит.

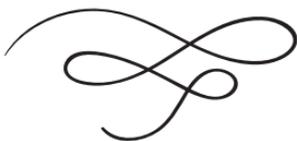
Я буду эти песни слушать,
Я буду воду пить с лица.
Влюбленных мнительные души,
Поэтов чуткие сердца.

Ты говоришь: «Не надо, ладно?
Ко мне теперь не приходи...»
Ты, как царица беспощадна,
Но улыбаешься нарядно
И жемчуг на твоей груди.

Ты вся из прелести цветка,
Из радости небесной сини,
Тебя прекрасней и красивей,
Я не встречал, наверняка.

И ты, как солнце золотое,
Растопишь снег, согреешь кровь.
Я для тебя - кто я?
Но только ты моя любовь!

1994

* * *

Мой дух живет в глубинах сада,
Но сад пустеет с каждым днем,
Здесь лишь могильная ограда
Стоит под ветром и дождем.

Ветер несет сухие листья,
Шумит над холмиком пустым,
Здесь отблески прошедшей жизни
Давно растаяли, как дым.

В высоком небе сердце тонет,
В земных заботах и в пыли,
Мой дух метается и стонет,
Но тень нанесена вдали.

Осенний день, как день разлуки,
Печален и тревожен он,
Вдали чарующие звуки,
А здесь забвение и сон.

Исчезло все - былая радость,
Все то, что в жизни берегли...
Какая боль, какая сладость
Услышать Путника шаги...

* * *

Повозка катится сквозь сон,
И мне Средневековье снится...
Мелькает сад, стал виден дом
И любопытствующих лица.

Трудно держаться на ногах, -
Палач погладил топорнице,
Он страшен королям и нищим,
Он мерит нашу жизнь - на взмах.

Здесь к моей смерти все готово,
Я снял последнее тряпье,
Готов священник слушать слово
И покаяние мое.

А цепи сняли лишь на плахе,
Рядом со мной в ведре вода.
Тот, кто в моей ушел рубахе
Уж не вернется никогда.

* * *

Тайна веков темнеет в сердце свято,
Лежит на нас, как призрак на земле,
Но обо мне ты помнила когда-то,
А я когда-то думал о тебе.

Я навсегда запомнил образ твой,
Когда с тобой был вынужден проститься,
Не изменила времени десница
Обычай наш усталый, вековой.

Вновь наш обряд мы выполняем строго:
Прости меня - я выбираю путь,
Далекую и долгую дорогу
С которой - и захочешь - не свернуть.

Но нашу связь мы разорвать бессильны,
Ты с каждым веком для меня родней,
И тяжки вырастающие крылья
Из боли умирающих корней.

* * *

Ты увидел сердце, лежащее на обочине,
Оно было живым, хоть и кровоточило.

Ты почувствовал вмятину, позади, на темени,
Ты узнал вечность во времени.

Ты бился в кирпичную стену лбом
И проклинал наш жестокий век,

Ты стал соляным столбом,
Чтобы растаял снег.

Ты увидел сердце, лежащее на обочине,
Оно было мертвым, хоть и кровоточило.

* * *

В зеркальной трещине - ворожбою -
Застыл цветок, словно смех в гранит
Отлит его свет - за ночной звездой,
Еще чуть-чуть и он полетит.

Щекотно скользнув между ребер скуки,
Уйти пешком сквозь разрез ресниц,
Туда, где прячутся тихие звуки
Шепотом падающие со страниц.

В лимонной ужимке - косточкой сизой -
Шершавый шершень живет в закутках,
Он, как охотник, ползет за репризой
Сквозь синие жилки, сквозь ребра, в пах.

Пахнет забытой клеенкой и клеем,
В темной гробнице Вселенная спит,
На золотой паутинке - светлея
Хрупкий хрусталик надежды висит.

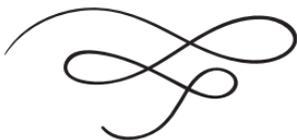
Секунды пошли за старухой седею,
Скоро придут в наш святой закуток,
Где-то по небу, летит за звездой
Светлою точкой зеркальный цветок.

* * *

Вы заходите ко мне в гости, ведь потом
Здесь будут жить совсем другие люди.
Я навсегда покину этот дом
И в этой комнате меня не будет.

Осенний дождь опять стучит по крыше,
А через год здесь будет тишина,
И звуки скрипки кто-нибудь услышит
У темного, холодного окна.

И свет звезды, улыбкою настенной,
Останется сквозь тени на стекле,
И вспомнит этот уголок Вселенной,
Что жил и я когда-то на земле.

* * *

Сегодня страшный день апреля
Страстная пятница. С утра
Я думал о своем уделе -
Пора покаяться, пора.

Готовлюсь к исповеди молча,
Читаю «Отче», а в обед
Грехов перебираю толщу,
Чтоб жить и выбраться на свет.

Мне стыдно, мне тревожно, больно,
Ведь грех вошел в мое нутро,
И, как к врачу - со страхом - школьник
Иду и еду я в метро.

Я выхожу из подземелья,
Как зверь выходит из норы,
Мои грехи, мои сомненья,
Быть может, словно мир, стары.

И, может быть, уж слишком грозно
Кричат мне дети на пути,
И, может быть, еще не поздно
Мне развернуться и уйти.

Нет, поздно. Обнажилась рана.
«Прости меня - я пред Тобой»,
Я открываю двери Храма
Почти спокойною рукой.

1995

* * *

Регина спит... Ей снится шум дождя.
Ее будить не нужно, ведь нельзя
Пройти тропой, какой она ступает,
Ведь снов своих она не вспоминает,
Ведь забывает свои сны она.

Как небольшой отрывок жизни сна
Спит Арлекин. Вокруг него блуждает
Бродячий цирк. Снег на дорогах тает.
Висит афиша в небе, высоко -
Там нет упоминанья про него.

О девушке танцующей на шаре
Он видит сон. На мокром тротуаре
Он ждет ее законам вопреки
На линии протянутой руки.

Но бьют часы и ей пора вставать.
Она покинет теплую кровать,
Потянется, вздохнет, пройдет к трюмо,
И тут воспоминание одно
Займет ее - как из морских глубин
Ей улыбнется рыжий Арлекин.

* * *

Дорогая моя, моя милая,
Дверь открой мне, позволь я войду...
«Ни за что бы тебя не впустила я,
Ты несешь мне свою беду».

У меня нелегко, тяжело на сердце,
За мной гонится раненый зверь,
На меня, как на пищу, он зарится,
Ты надежней закрой эту дверь.

Дорогая, любимая, милая,
Не осталось во мне больше сил...
«Никогда бы тебя не впустила я,
Если ты бы меня не просил».

Помнишь, раньше, нам было так радостно,
Я к тебе подходил чуть дыша,
На тебя я смотрел - слезы сладостно,
Как во сне проливала душа.

Дорогая моя, благодатная,
Если нужно, скажи мне: «Умри»,
Я боюсь – не вернусь ведь обратно я
И, быть может, умру у двери.

Дева вечная, Богом хранимая,
Помолись за меня, чтоб успел...
«Никогда бы тебя не впустила я,
Если б этого ты не хотел».

1998

* * *

Поэту Юрию Федотову

У тебя лицо от боли перекошено,
И печаль пришла к тебе опять непрошено,
А вокруг тебя – кровавая земля,
И спасет лишь только пуля иль петля.

Жизнь со смертью сшита черной ниткою,
Душу вытравил тоской, а сердце пыткой,
Сам решил – друзей оставил безголосыми,
Без ответов, только лишь с вопросами.

И напрасно ждать, напрасно спрашивать,
Ты устал свой мир в цвета раскрашивать,
Некому помочь – хоть как кричи,
Даже эхо не откликнется в ночи...

Белый-белый саван, белый-белый,
Черный крест нашит рукою неумелой –
Длинный бант с коротким поперек,
Путь не завершился – путь далек.

Ты не перепрыгнул жизнь с разбега,
Под тобою оказалось Небо,
Я надеюсь, ты – на корабле...
Над тобою разошлись все тучи,
Стал ты там счастливым и везучим,
Не в пример своей земной судьбе...
Я читал твои стихи сегодня
Богу, как молитву о тебе...

* * *

Не пой меня терпкой печалью,
Не могу я, как прежде, любить.
У меня за далекою далью
Может много хорошего быть.

Это странно, что ты не забыла,
То, что я позабыл - не суди,
Ты меня никогда не любила,
У тебя еще все впереди.

Слышишь звуки ночного напева?
Чем он манит? Что слышится в нем?
Дорогая моя королева
Никогда мне не быть королем.

1999

* * *

Здравствуй, родная Бурятия!
Страна синих гор.
Нет на тебе проклятия
И живы мы до сих пор.

Здравствуй, моя Бурятия!
Здесь люди живут не спеша,
Раскрой мне свои объятия,
Ведь есть у тебя душа.

Здравствуй, родная Бурятия!
Я жить на чужбине устал,
Есть теперь у меня распятие
И есть у меня Байкал.

Здравствуй, моя Бурятия!
Здравствуй, родина-мать!
Нет на тебе проклятия,
Значит, будет и благодать!

* * *

Ты же знаешь, любимая, знаешь,
Что я видел чужие края,
Ты спокойно меня провожаешь
И встречаешь, как прежде, любя.

И тебе я, любимая, внемлю,
Обещаний своих не забыл,
Я люблю эту грустную землю
Оттого, что других не любил.

Я люблю это синее небо,
Свой пустой, холодеющий сад,
Тот погост, где так долго я не был,
Где покоятся папа и брат.

Я люблю свою родину вольно
Иль невольно. На этой земле
Жить так сладко, так страшно, так больно
И, порою, так холодно мне.

И тебя я, любимая, знаю,
Я любовью твоей дорожу,
Я пойду журавлиную стаю
На чужбину без слез провожу.

* * *

Снова, снова ночная прохлада
Затуманила дом наш и сад.
Спи мой друг, и за мною не надо
В темноте проходить наугад.

Отчего ты решил, что скучаю?
Я спокойно сегодня живу,
Захотел я горячего чаю
Во втором или третьем часу.

Я теперь никогда не заплачу -
Не хочу нарушать тишину,
Давай выпьем с тобой за удачу,
Хоть она мне теперь ни к чему.

Так за что же мы выпьем здесь стоя?
Что же, друг мой, ты ходишь за мной?
Захотел я немного покоя,
Ну, так выпьем давай за покой.

От тебя я уйду не сегодня,
Видишь в небе улыбки святых?
Молодым умирать благородней -
Их оплачет так много живых.

Да и слезы их будут прозрачней,
Чем утрами на травах роса,
За подругой моей новобрачной
Слишком рано пришли небеса.

Возвращайся же в душную спальню,
И не бойся - я скоро вернусь,
Я по этой тропинке хрустальной
В пятый раз за сегодня пройдусь.

И когда я закрою калитку,
Что осталась открытой в саду,
Я вернусь и укроюсь накидкой
И уже никуда не уйду.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

И падал снег, плыла луна
И эта ночь такую звездною была,
Метель мела белым бела,
И все дороги и тропинки замела.

Земля ждала, и ночь ждала,
И эта музыка над городом плыла,
И дочь моя уже спала,
И эта ночь такую звездною была.

И даль была светлым светла,
И зазвенели вдруг вокруг колокола,
И падал снег, и шли года,
И загорелась в небе новая звезда.

И дочь моя уже спала,
И эта музыка над городом плыла,
Наступит день, придет весна
И верю я, что будет счастлива она.

Земля ждала, и ночь ждала,
И эта музыка над городом плыла...

ПЕСНЬ СТРАННИКА

Я не ищу в судьбе тревоги,
К трудным вершинам не иду.
Мои туманные дороги
Всегда отчетливы в бреду.

Не веря снам, я в явь не верю,
Ведь рядом миражи одни,
И ощущаю, как потерю,
Все мною прожитые дни.

И полюбил я жизнь эту,
Как узник полюбил тюрьму.
Я лишь для Бога вышел к свету,
Но для людей я канул в тьму.

ПРЕДКИ

Во мне шевелятся люди,
Ходят, едят и пьют,
Порою друг друга любят,
Порою друг друга бьют.

Тогда я на них влияю
И глажу по голове,
И почему – не знаю,
Все они верят мне.

Из меня выпирая тоже,
Кто ухом, кто носом, кто сном,
Они гладят меня по коже,
Как будто я им знаком.

Но я им совсем не знакомый,
И странно себя веду,
Своим любопытством влекомый,
Я спрашивал в темноту:

“Эй, кто там во тьме вчерашней,
Когда-то писал стихи,
Кто этой забавой страшной
Хотел замолить грехи?”

И кем ты был, мой предтеча,
Какие ты песни пел?
И в жизни под небом вечным,
Какой тебе был удел?”

Они мне не отвечают,
Они, как всегда, молчат,
Может, они не знают,
Может быть, не хотят.

А я не смолчу, наверно,
И крикну из темноты:
“Хозяин, а я был первым,
Талантливей был, чем ты”.

И будущий мой хозяин
Снисходительно промолчит,
Узнает он много тайн,
Увидит звезду в ночи.

Она ему улыбнется,
Будто бы свысока,
И может быть в нем проснется
Живая моя строка.

* * *

Она работает в китайском ресторане.
Носит синее кимоно.
Ест деревянными палочками.
Вечерами играет на флейте.

Крутит тонкими пальчиками
Барабан времени.
Просит у Будды счастья.
Любит, закутавшись в шаль,
Смотреть на огонь.

Она вышивает цветными нитками
Причудливые узоры.
Спит на жёсткой подушке.
Утрами, глядя в окно,
Разгадывает свои сны.

Если бы я увидел её
десять лет назад,
то вряд ли обратил внимание,
но сейчас мне показалась знакомой
ее тихая улыбка
и розовые фиалки
у нее в руках

* * *

Смешно быть черным человеком,
В мутное зеркало смотреть смеясь,
Там темная комната, там век за веком,
Поэта втоптывают в грязь.

Поэт смешон, молчалив и робок,
Что-то под нос твердит без конца,
Он даже стальных не достоин скобок,
Не то чтобы лаврового венца.

За зеркалом слышен то хрип, то кашель,
В чистой воде отражен гранит.
Поэт смешон, но тревожен, страшен,
Тот, кто за ним стоит.

* * *

Однажды я вскрыл себе вены,
Но остановил кровь,
Я измазал белые-белые стены,
Но понял, что это была - не любовь.

Когда я смотрел в пустоту,
(Ту пустоту рождала дальняя даль),
Я взлетел на неведомую высоту,
Но так и не смог заглушить печаль.

И когда я увидел в небе,
То, что берёт от других тая,
Среди забот о насущном хлебе,
Я понял, что совсем не знаю себя.

А когда я перепрыгнул чёрную трещину,
И дальше пошёл не спеша,
Я увидел прекрасную женщину
И понял, что это – моя душа.

И когда я открыл последние двери,
И вспомнил о том, что давно забыл,
Я понял, что с нею я жил и верил,
Но никогда её не любил.

* * *

Постели, постели мне постель -
У меня в голове бродит хмель.

В этот раз я пропил всю весну,
Постели мне постель, я усну.

Ты сегодня со мной не ложись,
У меня и во сне - тоже жизнь.

Я бываю так счастлив во сне,
Просыпаться не хочется мне.

Ведь в своих кратковременных снах,
Я бываю в далеких мирах.

За окном тихий шорох листвы
Говорит мне, что жизнь - это сны.

И в один теплый день, по весне,
Я хотел бы остаться во сне.

Постели, постели мне постель,
У меня в голове бродит хмель...

РАБ

Раб встал, и взяв тяжёлый молот,
Освободился от оков.
Рядом лежал, копьём заколот,
Самый последний из врагов.

Прошёл он по ступенькам храма,
Вдоль древних, каменных колонн,
В его груди алела рана
И с губ срывался хриплый стон.

Раб вытер слёзы рукавом
И рассказал холодным плитам,
Как жил униженным и битым,
Как жил в неволе - был рабом.

Как жадно ждал он дней свободы!
Как жаждет жертвы хищный зверь,
Он был ничтожным среди народа,
Он был последним, но теперь...

Теперь и сам он господин,
Патриций гордый, властелин,
Он будет сам владеть рабами
И землю дивными садами
Украсит он - его рабы
Будут послушны и немые.

О, как надменно и сурово
На падших идиолов былого,
На прах языческих богов
Смотрел он - падшие они
Ему внушали омерзенье,
Как раньше трепет и терпенье
В бессильной злобе и... в любви.

Взлетела в небо птичья стая
И грозный гул услышал он,
То шёл тяжёлый легион,
Всё на своём пути сметая.

Раба найдут, раба заставят,
Надеть железное ярмо
И на лицо его клеймо
Расплавленным свинцом поставят.
Потом повесят на кресте,
Затем, чтоб видели везде,
Как умирает раб презренный,
Поднявший руку на Закон,
И за свободы дух мгновенный
Пусть дорого заплатит он!

* * *

О ствол небес изодранные когти,
Остались лишь сомнения и зубы.
Когда рождает вера боль, то в вопле
Вселенная смещается на губы.

По венам, по извилинам в крови,
Разъятая до трех ударов в кости,
Душа желает Жизни и Любви,
И в бездну пламенеющую, в гости.

И выжимает слово сквозь гортань,
Рука Творца, а мы хотели малость:
Отдать Ему положенную дань
И уповать на милость и на жалость.

Зачем Любовь приходит из тоски,
Зачем Ты начинаешь Радость с боли?
Ответа нет, гуляет ветер в поле
И небо упирается в виски.

* * *

- Любимая моя, моя родная...
- Ты стал совсем другим...
- И ты – другая...
Сирень в саду поблекла. У качели
Несчастный принц играет на свирели.

- Любимая моя...
- Любимый мой...
Мне страшно и мне холодно одной,
Есть у принцессы замок на скале,
Туда цветы приносят птицы мне...

- Любимая моя, моя родная,
Но ты же не одна?
- Всегда одна я...
Смешалось все в каком-то странном сне –
Года, свирель и замок на скале.

(для пьесы «Воздушный Шар»)

* * *

Снег растаял. Осенняя оттепель.
Распогодилось, потекло...
В синем небе белыми хлопьями
Облака проплывают. Тепло.

А за ними с далекими всхлипами,
Улетают на юг журавли,
Над березами, соснами, липами
Рассыпая прощанья свои.

Утром травы под снежными росами,
И под ветром холодным дрожат,
И хрустальные, ломкие россыпи
Над подтаявшим снегом лежат.

Солнце в тысячах брызг отражается
Средь деревьев с опавшей листвой,
Воробьи в талых водах купаются,
Расчирикались, как весной.

Сколько счастья на лицах играющих!
Как искрится подтаявший лед!
И, наверно, не нужно быть знающим,
Что-то в жизни своей наперед.

* * *

Так что же мешает счастью?
Нет ни мыслей, ни слов, ни идей,
Ты живешь под страшною властью -
Властью людей.

И зачем ты говоришь о любви
И о том, что устал?
Видишь руки твои в крови,
А в глазах звериный оскал?

И что за Бог в тебе проявляется?
Или это бес?
Видишь, на нас раньше времени опускается
Покой небес.

* * *

Подать огня? Но все уже остыло,
Тот песню спел, а тот еще споет...
Запомни смерть, как будто это было,
Запомни жизнь, как будто бы грядет.

Опять душа озябшая бескрыла,
Опять огонь небесный душу жжет...
Вы помните? Когда-то это было,
И верится, как будто бы грядет.

* * *

Не желаю ни любить, ни спорить,
Жизнь скучна, но умереть скучней,
Было бы хотя бы рядом море,
Только нет поблизости морей.

Было бы - я горе
Утопил бы в море.

Трудно жить и не скулить на долю,
Словно раньше было легче жить,
Если бы была хотя бы воля,
Чтоб не голодать и не служить.

Я б свою неволю
Выбросил бы в поле.

Как бы не упасть в пути-дороге,
И не заблудиться средь дорог,
Если часто думаешь о Боге
Значит, так к тебе приходит Бог.

Я свою тревогу,
Рассказал бы Богу.

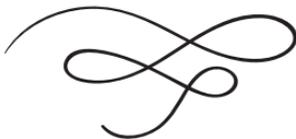
Кто-то шепчет мне и кто-то вторит:
«Ведь живут же люди без морей...»,
Раковина белая из моря
Лежит рядом с камнем из полей.

* * *

Зал опустел. Сцена пуста.
Зрители разошлись по домам.
Аплодисменты впитались в обстановку.
Актер, как художник, начнет все с чистого листа.
С каждой новой ролью убивая себя понемножку.

И когда он от страдания скрючится,
И будет молить Бога пережить боль,
Кто-то скажет: «Я думал, что он и вправду мучится,
А он всего лишь играет роль».

Но, когда он умрет,
Около его смертного ложа,
Задыхаясь от благодарности и страстности,
Кто-то нарежет из его пропитанной болью кожи
Ремни безопасности.

* * *

1

Были бы дети и внуки...
Шум электрички
гулко растаял вдали.
Не нашел в себе сил на прощанье,
Хотя бы махнуть рукой.

2

Не стряхнуть с сердца Божьих следов.
Глядя на звездное небо
Опять я про все позабыл.

3

Шевельнулась жемчужина на дне Океана.
Мелькнула комета с другого конца Вселенной.
Я вспомнил тебя.

4

Как летняя ночь коротка!
Не успеешь обняться с любимой,
как солнце встает на Востоке.

5

Сегодня увидел стену
пятистенной юрты.
И, словно кто-то позвал
изнутри меня: «Эй!».

6

Всю жизнь пытался взлететь,
но только во снах и летал.
Как медленно крылья растут!

7

Уходя из отчего дома
взял я хлеба и сыру,
а сердце оставил.
Не забыть бы вернуться.

8

Никто не сказал мне утром:
«Внучка, пора вставать!»
Бабушки больше не стало.
Кто приготовит оладушки?

9

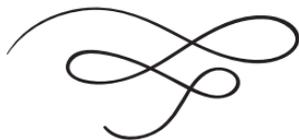
Сердце стучит, как Командор.
Я постель застелил цветами.
Будет приятно уснуть.

10

Далеко на чужбине
вдруг родину я ощутил.
И сердце заныло устало.

11

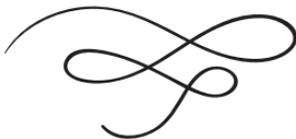
Вселенная, похоже, это большая ванна,
Где плавают Галактики, звезды, созвездия,
И Черная Дыра – это трещина
Из которой она вытекает,
медленно и неустанно.

ПОХВАЛА ДРУГУ

Ты подарил мне пулю из свинца –
Тебе дарю я поцелуй воздушный,
Мой милый друг, какой же ты послушный,
В тебе живет характер молодца.

Ты даришь мне покой – тебе дарю,
Тревогу навсегда пришедшей ночи,
Тебя за всё, за всё благодарю,
Но ты и благодарности не хочешь.

* * *

Вновь гремят железные оковы,
Я открыл тебе твой каземат,
О своем твердишь ты что-то снова,
Но я знаю – ты не виноват.

Как всегда, веду тебя на встречу
С твоей смерти ждущими людьми.
Как всегда, но, всё же, в этот вечер,
Ты с собою чистое возьми.

* * *

Он пишет, слёз не вытирая,
Одно, заветное письмо
Про зов утерянного рая,
Про то, что прожито давно.

И слёзы каплют на страницы,
А он склонился над столом,
Вокруг него мелькают лица,
А он всё пишет о былом.

Вокруг него проходят люди
И умирают, и живут,
И больше ничего не будет,
Быть может только Страшный Суд.

Не сможет он остановиться –
Ему так свыше суждено...
Всё та же перед ним страница,
Всё то же перед ним письмо...

* * *

Сегодня с самого утра
Задули зимние ветра
И небо надвое расколото
Тоской и холодом.

В душе печально и убого:
Кому-то - дом, кому - дорога,
Кому-то слякоть на дворе,
Как и должно быть в ноябре.

И прошлогодняя трава,
И степь, и неба синева,
Сегодня с самого утра:
«Любовь – не жизнь, любовь – игра».

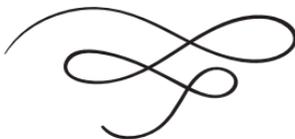
Опять тоска, опять хандра,
Все та же вдалеке гора,
Снежинки первые летают,
А днем, наверное, растают.

Им тоже – время, тоже – срок,
А я уж больше не игрок.
Уж год прошел, как ты ушла,
Ведь у тебя свои дела...

И снова буду вспоминать,
Мечтать, надеяться и ждать,
Вздыхать – зачем-то нужно жить,
И нужно валенки зашить.
И никуда идти невмочь,
И выспался, а скоро ночь,
Опять разглядывать луну...
Зачем? И сам я не пойму.

Но восклицать: «Скажи на милость –
Она ничуть не изменилась».
Ведь изменяться нам с тобою,
А ей, с какого перепоя?

И я – не тот, и ты – не та...
А завтра та же суета...

* * *

В глухой тайге, где и солнца не видно среди ветвей,
Куда не ступала нога человека,
Мне почему-то чудился «Танец маленьких лебедей»,
Как то, что создано от начала века.

И там, где проявляется древний инстинкт звериный,
Как рождается пламя из потухшего уголька,
Этот «Танец» во мне звучал неутомимо,
Как будто эти звуки рождала река.

Мне казалось, что эта музыка еще древнее,
Чем этот мир и звезды, и тем более – река,
Она, как костер потухший, во мне тлеет,
И, как ни странно, тлеет века.

Миру извечного пребывать в вечном,
Счастье, когда ночью сидишь у костра,
И увидишь в небе звездном и бесконечном,
Отраженье своего лица!

* * *

Как-то очень давно –
Между черным и белым –
Было мне суждено
Безнадежное дело.

Говорили вокруг,
Кто-то робко, кто смело:
- Ну, зачем тебе, друг,
Безнадежное дело?

Разве будет любовь,
Разве будет награда,
Может этого вновь
Даже делать не надо?

Им спасибо за всё...
Хоть порой неумело,
Но я делал своё
Безнадёжное дело.

Пролетели года,
Вот и жизнь пролетела...
Но со мною всегда
Безнадежное дело.

Над могилой листва
Шелестит, как страница,
Может, чья-то душа
За моей устремится?

Может время придёт
И от тяжести тела
Мою душу спасёт
Безнадёжное дело.

За печалью в глазах
Есть какая-то тайна,
В безнадежных делах,
Это все не случайно.

Чтоб уйти от оков
И от тяжести тела,
Буду делать своё
Безнадёжное дело.

МОЛИТВА

Подари мне только одну песню,
И я выучу ее наизусть,
А без песни мне жить неинтересно,
С песней я разделю радость и познаю грусть.

Эту песню я возьму с собой в дальние страны,
Чтобы там ее петь,
Чтобы и там обо мне узнали -
Кто я, откуда и что я такое есть.

Чтобы узнали, какие на моей родине синие дали,
И какие леса и степи в этой дали,
И о том, как рассвет встает на Байкале,
Когда цветет в горах сагаан-дали.

С этой песней пройду я по бездорожью,
Она войдет в тело мое и в кровь,
И отзовется великолепной дрожью,
В той, которой я буду дарить любовь!

Эта песня, как друг, мне протянет руку,
Когда буду я на самом краю,
И тогда я ее своему внуку,
Как реликвию подарю!

Андрей Мухраев
О, ЭТИ ДРЕВНИЕ ДЕЛА...

Избранные стихи

Дизайн обложки: Т. Мердыгеев
Верстка: Д. Боржонов

Подписано в печать 29.06.2016. Формат 70x100/32. Гарнитура PT Sans.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Заказ №1066. Тираж 1000 экз.
Отпечатано ООО «НоваПринт». Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Ранжурова, 1. Тел.: 8 (3012) 212-220, 212-552.